

Сергей Борисов

Юлия Юшкова-Борисова

Понять Беларусь

Записки странствующих
социологов

Юлия Юшкова-Борисова

**Понять Беларусь. Записки
странствующих социологов**

«Издательские решения»

Юшкова-Борисова Ю.

Понять Беларусь. Записки странствующих социологов /
Ю. Юшкова-Борисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905582-8

«Социология странствия» — это органичное сочетание научно-исследовательских методов с вненаучными способами постижения действительности, это активная разведка социальной реальности, прежде всего, стран и регионов, путём вживания в них, превращения исследования в часть своей жизни. Беларусь — удивительная страна, её сможет понять только доброжелательный, непредвзятый «странник», готовый отказаться от стереотипов, проявить уважение и интерес к её необычной судьбе и неповторимым чертам.

ISBN 978-5-44-905582-8

© Юшкова-Борисова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Холст и рама	7
Почему мы занялись Беларусью?	7
Как мы занялись Беларусью: выбор концепции и методологии	10
«Социология странствия» и «колесо смыслов»	12
Глава II. Страна Беларусь. Широкими мазками	16
Беларусь как страна. Территория. Народ. Государственность	18
Национальный вопрос (этническое развитие и межэтнические отношения)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Понять Беларусь

Записки странствующих социологов

Сергей Борисов
Юлия Юшкова-Борисова

© Сергей Борисов, 2019

© Юлия Юшкова-Борисова, 2019

ISBN 978-5-4490-5582-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Беларусь – негромкая страна.

Страна вежливая, опрятная, неторопливая. Эмоции – по большей части внутри. Реакции – сдержанны, не импульсивны.

Народ по преимуществу не мелкий, скорее, рослый. Толстые встречаются редко, больше сухощавых, подтянутых (не худых).

Современная Беларусь способна производить благоприятное впечатление на кого угодно: на приехавшего с востока, с запада, с севера, с юга. Беларусь не поражает воображение, но как-то легко нравится.

В Беларуси нет ничего экзотического, экстравагантного. А вот интересного немало.

Приезжего человека здесь не обидят, не оскорбят, не поставят в неловкое положение, по крайней мере, осознанно того желая.

Но Беларусь при этом – не слабая, не виктимная. В ней чувствуется внутренняя сила, упорство и устойчивость. Она может себя защитить, хотя не все это замечают. По крайней мере, сразу.

Хочешь рассказать о Беларуси – вооружись словом «неопределённый»: оно потребуется часто. Здесь точке предпочитают запятую и – особенно – многоточие. Такова здесь природа. Таков климат. Таков стиль местной жизни, такова манера общения. Такова история этих мест. Такова биография коренного населения и его идентичность. Таково по большей части национальное искусство: и фольклорное и профессиональное. Туман, неясность контуров, неокончателность решений и нерезкость поступков – это по-белорусски. Впрочем, контрапунктом этой размытости очертаний, туманности иногда становится подчёркнутая, до брутальности, графичность: не только в искусстве, но и в общественно-политическом обиходе, в повседневном общении.

Беларусь любит держать паузу, умеет это делать виртуозно. В этом умении – одновременно – главная сила людей этой страны, но, возможно, и главное их уязвимое место. Белорусские паузы иногда утомляют своей затянутостью, но, может быть, дело в недостатке терпения у наблюдателя? Беларусь – страна-стайер, страна «с длинным дыханием».

И ещё. В нашей книге мы будем называть эту страну так, как она сама себя называет – Беларусь. Хотя в книге на русском языке согласно канону надо бы говорить и писать – Белоруссия. Но это особенная книга, она – про «страну Беларусь», то есть, про страну такую, какая она есть на самом деле, а не про такую, какой другим удобно её представлять.

Первая, вторая и четвертая главы написаны Сергеем Борисовым, третья – Юлией Юшковой-Борисовой. Мы так разделили труд, основываясь на том, кто что увидел и что хочет написать о Беларуси. Сергей взял себе описание концептов, а Юлия глубинную тонкую суть страны.

Глава I. Холст и рама

Почему мы занялись Беларусью?

Профессиональный интерес к этой стране зрел у нас постепенно. Вообще, если человек живёт на территории бывшего СССР и занимается социальными науками – хоть фундаментальными, хоть прикладными – он в принципе не может уйти от размышлений на тему жизни народов и судеб государств, появившихся в декабре 1991 года из тела советской государственности. Для каждого из нас – это часть личной биографии, даже для тех, кто родился позже. Причины попадания на Большую Историческую Развилку и последствия её прохождения до сих пор определяют жизнь людей, семей, сообществ, составлявших в прошлом совокупную советскую субцивилизацию.

И уж если мы «приговорены» к этой теме, то обречены и на острый взаимный интерес к постсоветской жизни друг друга. Интерес этот – непростой, многослойный. В нём есть и естественное исследовательское любопытство, и чисто обывательская пристрастность, порой переходящая то в ревность, то в зависть, и добрососедское сочувствие. Мы то и дело будто продолжаем выяснять что-то недовыясненное в совместном прошлом.

С 2009-го года Экспертный центр «Мера» – негосударственное научно-исследовательское учреждение – регулярно работает по проблематике постсоветских стран. В нашем багаже – материалы исследовательских, консалтинговых, просветительских, социально-инжиниринговых проектов в пяти таких странах.

Когда долго и серьёзно чем-то занимаешься, от проекта к проекту, от кейса к кейсу растёт осведомлённость, накапливаются сравнения, напрашиваются обобщения и выводы. Как-то сам собой собирается пакет гипотез, которые просятся проверить их надёжным исследовательским инструментарием. Уточняется и шлифуется сам этот инструментарий, отбираются методики и подходы, результативно работающие в данных конкретных условиях.

Поэтому по мере роста тематической компетенции и человеческой включённости в исследуемую среду зреет желание спланировать и реализовать свой, *авторский проект*, не стеснённый рамками целевого задания, сформулированного заказчиком. Применительно к страноведческой тематике это желание тем сильнее, чем больше открывается оснований убедиться: постсоветская реальность новообразованных государств различается больше, чем этого можно было бы ожидать, принимая априори точку зрения, согласно которой «мы все вышли из одного состояния».

Действительно, *если все были одинаковы на старте, в 1991-м году, почему так быстро в постсоветских странах начали разниться политическая и экономическая жизнь, социальные и гуманитарные практики, ценностные и мировоззренческие цивилизационные ориентир?* И это только первый из фундаментальных вопросов, на которые сегодня нет удовлетворительного, убеждающего ответа.

Эксперимент, поставленный историей на пространстве бывшего СССР, подарил социальным наукам россыпь роскошных страноведческих сюжетов. К сожалению, наш научно-гуманитарный цех едва ли может похвастать тем, что сполна использовал эту возможность в профессиональных видах. Причин тому несколько, и мы в нашей книге будем их касаться по разным поводам. Пока же укажем на одну – самую, возможно, парадоксальную: чрезмерный компаративистский крен исследовательской деятельности в этом проблемном поле.

Так сложилось, что представители научно-гуманитарного сообщества, изучающие постсоветское пространство, свои основные усилия сосредотачивают на сравнительных процедурах. Собственно, само по себе это не плохо. Известно, что компаративистские методики при

грамотном использовании дают хороший эвристический эффект. И сравнивать развитие постсоветских стран по самым разным критериям интересно, полезно и перспективно.

Но компаративистика продуктивна, когда опирается на достаточно обширные и достаточно надёжные знания об объектах сравнения, в данном случае – об отдельных страновых историях: таджикской, армянской, эстонской, молдавской, белорусской и т. д. А такие кейсы складываются на основе системного изучения каждого из объектов как случая единичного, уникального.

И, прежде чем встраивать тот или иной случай в какой-либо сравнительный ряд, нужно основательно подготовиться к этой процедуре. Нужно обстоятельно *знать всё важное* из событийно-исторического ряда в реальной последовательности и стадийности. И нужно точно *понимать, почему* всё происходило и происходит именно так.

В изучении постсоветских стран за прошедшие годы сделано немало: и в описательном и в аналитическом плане. И всё-таки – сделано недостаточно. И, в первую очередь, потому, по нашему мнению, что до сих пор редко в центре исследовательского внимания оказывается то, что уместно назвать *«страновой индивидуальностью»*. А ведь более органично, когда полноценное научное постижение страновой индивидуальности предшествует сравнительным исследованиям, а не наоборот.

Мы решили внести вклад в преодоление дисбаланса познавательной практики и использовать опыт, наработанный нами в Молдове, Киргизии, Украине, Казахстане, попытавшись *выработать исследовательскую матрицу, алгоритм для описания и анализа страновой индивидуальности постсоветских государств*. Выработать в процессе исследования конкретной страны. И такой страной мы выбрали Республику Беларусь.

Почему именно эта страна была выбрана нами в качестве поля для авторского исследовательского проекта?

Во-первых, потому, что мы – россияне, и, как у всех россиян, у нас к Беларуси – отношение особое, далеко выходящее за рамки профессионального интереса. Беларусь очень важна и ценна для нас: ментально, эмоционально, прагматически, онтологически, символически. Все мы – зеркала друг для друга: смотрясь в другого, лучше видишь и понимаешь себя. Беларусь для России – самое, возможно, ценное зеркало, и в него стоит всматриваться особенно пристально.

Во-вторых, кажется, внешнее восприятие ни одной из постсоветских стран не обременено таким количеством широко принятых, «бродячих» стереотипов и клише, как восприятие Республики Беларусь. Между тем, ещё приглядываясь со стороны, то и дело догадываешься, что в действительности не так всё просто с этой страной. Хочется пойти и посмотреть самому, заглянуть под внешнюю оболочку, разобраться, насколько расхожие стереотипы соответствуют реалиям.

...Не будем оспаривать очевидное. Не только у российского обывателя, но и у многих представителей отечественного политического класса и даже экспертного сообщества представления о Республике Беларусь априори складываются на основе примерно следующих посылок:

1) «Беларусь, в отличие от ряда других союзных республик, не добивалась в 1991 году выхода из состава СССР и независимости. На путь становления и развития суверенной государственности она встала вынужденно: её, можно сказать, вытолкнули на него. И этим вынужденным выбором население Белоруссии до сих пор тяготится: если бы оно было поставлено ныне или ранее перед прямым выбором, то предпочло бы жить в едином государстве с Россией, а не строить своё собственное»;

2) «Беларусь – наиболее консервативный („советизированный“) фрагмент постсоветского мира. Там сохранено больше, чем, где бы то ни было ещё, элементов наследия советской

субцивилизации: в экономических и социальных практиках, в политике, идеологии и культуре»;

3) «Белорусы – не вполне отдельная от русских нация. Это, скорее, региональная, а не этническая общность. Белорусский язык не самостоятелен, он – местный диалект русского языка. Тем более что он по факту не является основным языком общения в стране и не выдерживает конкуренцию с русским языком ни в общественно-политическом обиходе, ни в сфере деловых отношений. Даже Президент Республики Беларусь А. Лукашенко публично белорусским языком не пользуется. Слабость позиций национального языка подтверждает неочевидность существования белорусской нации как исторической реальности. В этом свете белорусский национализм, встречающийся, прежде всего, среди местной интеллигенции, есть либо недоразумение, либо следствие вражеских происков»;

4) «Белоруссия – младшая сестра России. Население Белоруссии Россию любит, уважает, признаёт старшим членом семьи, и, в отличие от некоторых других новообразованных государств, никаких исторических претензий к России не имеет».

Сейчас, после годового погружения в материал – в белорусскую действительность – мы можем утверждать, что назвать подобные представления ложными на сто процентов нельзя. Они не лишены оснований, в них, безусловно, есть какая-то доля правоты. Но и принимать их за чистую монету, тем более, строить на них далеко идущие выводы, точно не стоит. Сам по себе более чем четверть вековой опыт существования суверенной белорусской государственности заставляет усомниться в их достаточной глубине, полноте и точности. Непредвзятый взгляд на Беларусь сразу скажет: не так всё просто с этим случаем. Один только стаж белорусской независимости требует перестать смотреть на РБ как на нечто исторически случайное, промежуточное, временное, от чего-то к чему-то переходное. Продуктивней и перспективней исходить из того, что *в лице современной Беларуси мы имеем дело с оригинальным историческим феноменом*. Беларусь уже состоялась как суверенное государство: со своей особой исторической сценарностью, с самобытным общественным укладом, со сложившейся властно-политической моделью. Нужно уважать этот факт, и тогда появится шанс по-настоящему «понять Беларусь».

Как мы занялись Беларусью: выбор концепции и методологии

В 1990-е годы в качестве методологического ключа при изучении постсоветского мира чаще использовались концепции «демократического транзита». Но постепенно выяснилось, что они довольно поверхностно и слишком идеологично трактуют многие важные вопросы, в частности, природу «советского» и смысл перехода от «советского» к «постсоветскому». Образно говоря, этот стык априори трактовался транзитологами как переход из царства тьмы в область света.

Обнаружилось, в частности, и то, что усиленный акцент на анализе институционального развития, свойственный транзитологическим подходам, не всегда приводит к пониманию сути происходящего в конкретной стране. Пробуксовывает также и нормативистский вариант, ориентирующий исследователей, прежде всего, на изучение нормативно-правового каркаса жизни постсоветских стран. И тот и другой подходы, конечно, дают приращение знания, но не раскрывают чего-то исключительно важного, не приводят к подлинным интеллектуальным прорывам.

К сожалению, в 2000-е годы вместо конструктивной корректировки методологической базы отечественным интеллектуальным мейнстримом был сделан, по нашему мнению, шаг в неперспективном направлении. С дальних полок были извлечены евразийские фантазийные конструкты, увлечение которыми уводит исследователей в зыбкую область, где теряется грань между знанием достоверным и предположительным; фактология необратимо смешивается с идеологемами, умозаключения делаются слишком красивыми, чтобы оставаться истинными, иногда в них вообще появляется привкус мистики.

Между тем нам предстояло в ходе нашей страноведческой «экспедиции» найти убедительные и конкретные ответы на два больших вопроса:

- 1) Беларусь – она КАКАЯ?
- 2) Беларусь – ПОЧЕМУ она такая?

Пускаясь в столь сложное предприятие, важно было не ошибиться ни с концептуальной основой проекта, ни с выбором исследовательской методики.

Отталкиваясь от нашего многолетнего регионологического и страноведческого опыта, мы сформировали следующие исходные посылки для нашего белорусского проекта:

1. Пятнадцать постсоветских государств возникли не на пустом месте и возникли не случайно (эта тема развёрнута в четвёртой главе). Всё, что происходило с этими территориями и с этим населением до 1991-го года, имеет принципиальное значение для странового развития и государственного строительства после 1991-го года.

2. В комплексе постоянных и переменных факторов, определяющих неповторимые вкус, цвет и запах каждой страны, первой доминантой является её историко-культурное своеобразие и ментальное естество.

3. Именно историко-культурологический подход даёт ключ к главному замку на нужной нам двери – к *проблеме органичного соединения трёх дискурсов: досоветского, советского и постсоветского*. История народов непрерывна, какой бы ломаной не выглядела порой её событийная канва. Консервация и ретрансляция опыта людей и сообществ, воспроизводство их образа жизни, особенностей их мировосприятия и жизнедеятельности – всё это осуществляется через культуру, разумеется, в широком смысле этого слова

Постановка вопроса о доминантной роли культуры в воспроизводстве общественной жизни, о зависимости экономики и политики от социокультурного своеобразия социума у осведомлённого читателя, безусловно, вызовет ассоциации с работами исследовательской команды под руководством Л. Харрисона и С. Хантингтона[1].

Авторы с большим уважением относятся к сделанному и опубликованному этой замечательной командой, разделяют, в целом, базовые послышки и выводы, введённые ею в мировой и отечественный интеллектуальный оборот.

Отличие нашего подхода в том, что мы не были в нашей работе настолько сосредоточены на прогрессе, понимаемом, прежде всего, как экономический рост, на обусловленности последнего устойчиво воспроизводящимися социокультурными обстоятельствами, что составляет сердцевину концепции Л. Харрисона и его коллег.

Мы сосредоточились на другой стороне дела. В фокусе нашего внимания было, прежде всего, влияние этих обстоятельств на практику государственного строительства и атрибутивно сопутствующих ей процессах, темах и аспектах. Здесь мы более наследуем традиции, заложенной выдающимся отечественным мыслителем Д.С.Лихачёвым, отстаивавшем генеральную роль культуры в развитии обществ даже в условиях господства панэкономистского догмата о «базисе и надстройке».

Прилагая эти принципы к конкретной исследовательской ситуации, мы сформировали исходное целевое самозадание, согласно которому обязательному изучению подлежали:

- Предпосылки – исторические, культурные, ментальные – современной белорусской государственности
- Эволюция, этапность и динамика процессов государственного строительства РБ: интеллектуальные и социокультурные драйверы и якоря этих процессов
- Развитие национально-государственной идентичности у населения «страны Беларусь»: гуманитарные и иные источники, перспективы, динамика
- Советское наследие (экономическое, культурное, институциональное, психологическое, кадровое, символическое), его операционализация и капитализация в новейшей истории Беларуси. Опыт консервации – трансформации – модернизации советских практик: управленческих, социальных, гуманитарных

В процессе работы целевая программа уточнялась, корректировалась, расширялась (вот где пришлось кстати отсутствие заказчика, с которым пришлось бы всё это согласовывать!). Не по всем направлениям удалось продвинуться одинаково далеко. Но генеральная линия была выдержана. Нам не пришлось разочароваться ни в выборе объекта, ни в исходных послышках. Полученные результаты дают основания надеяться, что время и силы потрачены не зря, а у проекта есть перспективное будущее.

«Социология странствия» и «колесо смыслов»

Собственно, обращение к теме социокультурной индивидуальности локальных социумов – страновых или региональных – было далеко не первое для нас. В 1990-х – первой половине 2000-х годов благодаря усилиям Нижегородского исследовательского фонда – предшественника Экспертного центра «Мера» – Нижний Новгород превратился в один из ведущих центров развития российской регионологии.

Параллельно в диссертационной работе «Формирование системы ценностей в современном российском обществе», защищённой Юшковой-Борисовой Ю. Г. в 2000-м году, обстоятельно описывалось и анализировалось субцивилизационное своеобразие северных российских сообществ. Был дан социально-философский анализ того, откуда пошла культурная особина, как климат, способ производства, исторические факторы и способ адаптации к окружающей природной и социальной среде выплавили современный северный социум [2].

Со второй половины 2000-х годов Экспертный центр «Мера» активно работал по социокультурной тематике в рамках исследовательско-консалтинговых проектов в регионах и городах России: Нижнем Новгороде, Перми, Ульяновске. Там, в частности, серьёзно разрабатывалась тема комбинации субкультур в рамках региональных и муниципальных культурно-ментальных матриц («регионалитетов», по нашей терминологии).

Выше говорилось и о нашей продолжительной практике – мониторинговой, аналитической, социологической – в некоторых постсоветских странах: Украине, Молдове, Киргизии. Даже с учётом того, что не всегда эта практика относилась к сфере культуры, всё равно плюсовался опыт постижения разнообразных страновых, региональных и мегарегиональных сообществ.

В результате весь этот многолетний опыт сконденсировался в комплексной познавательной методологии, долго развивавшейся без имени и обретшей в конце концов название *«социология странствия»*.

Наша социология странствия – это органичное сочетание различных способов научно-исследовательского познания с внеучными формами постижения действительности. Это – активная разведка новых пространств, новой реальности путём вживания в неё, путём тестирования её не только интеллектом и логикой, но и всеми органами чувств, эмоциями, непосредственным контактом, своими, образно говоря, боками. Это полноценное и ненарочитое включение познаваемой реальности в собственный жизненный опыт. Иначе говоря, социология странствия – это то, что вырастает из твоей работы в часть твоей жизни. Чтобы социология странствия сработала, надо, с одной стороны, выключить в себе и туриста, и командировочного. С другой стороны, не нужно стараться прикидываться своим – можно оставаться гостем, но гостем вежливым, внимательным и непредвзятым.

Обобщённо принципы социологии странствий таковы.

1. Единство субъекта исследования. Метод требует выполнения основных видов работ одним субъектом – человеком или компактной группой. Разделение труда, характерное для крупных социологических организаций, здесь допустимо только при исполнении вспомогательных, технических функций. Что же касается исследовательского присутствия, аналитики и создания итогового продукта, то всё это следует делать по принципу «одни глаза и уши – одни ноги – одни мозги – одно перо»

2. Активное очное присутствие на исследуемом поле, минимизация заочного и дистанционного познания

3. Использование субъектом всех своих познавательных возможностей, ресурсов и навыков, включая общую эрудицию, весь предыдущий жизненный опыт, интуицию, чувственное восприятие

4. Гибкое, вариативное планирование. Готовность скорректировать изначальное целевое задание, если того требует материал, и оперативно отреагировать на неплановое развитие исследовательской ситуации.

5. Отказ от запрета на личное отношение к объекту исследования. Возможные субъективизм и предвзятость компенсируются в этом случае дополнительным знанием.

Применительно к нашему белорусскому проекту социология странствия предполагала, наряду с использованием формализованных методов исследования, глубокое погружение в информационный и культурный контекст, плотное личное знакомство с предметной средой, психологической атмосферой, интеллектуальной жизнью «страны Беларусь».

За год работы по проекту мы провели непосредственно в Беларуси 54 дня, побывали в Минске, Витебске, Полоцке, Ракове, Бресте, Гродно, Мире, Несвиже. При любой возможности посещали научные форумы, знаковые исторические объекты, музеи, выставки, спектакли, концерты, храмы и костёлы, книжные магазины и художественные салоны. Перечитали или прочли заново культовые произведения белорусской литературы: Короткевича, Коласа, Мележа, Богушевича, Купалы, Богдановича, Бородулина, Орлова. Отсмотрели многие документальные телефильмы продакшн-студии Владимира Бокуна из цикла «Обратный отсчёт». И общались, общались, общались...

Вообще, думаем, что не следует судить, тем более, писать о стране, пока в твоей записной книжке не соберётся хотя бы 70—80 местных контактов; пока ты не поездишь в местных трамваях и электричках; не поторгуешься на местном базаре и не походишь по местным магазинам; пока не побываешь не только в столице, но и в провинциях, не потопчешь ногами разные города и сёла; пока не насмотришься местного телевидения и не прочитаешься местных газет.

Что же касается собственно социологической деятельности, то в качестве базового инструмента нами был выбран *метод экспертных интервью*. При ограниченности ресурсов именно этот метод позволяет получить наиболее обширный и разнообразный массив информации.

Корпус респондентов нашего исследования составил из представителей основных гуманитарных сфер белорусского общества: науки, образования, литературы и искусств, медиа, религиозных конфессий. Всего было проинтервьюировано 44 респондента в Минске, Витебске, Полоцке, Бресте, Гродно, Несвиже.

Занятые люди не пожалели своего времени, чтобы встретиться с нами и поговорить в рамках экспертного интервью о серьёзных вещах. Мы признательны им за это и высоко ценим их участие. Отказов от интервью было мало, и все они были мотивированными.

Интервьюируя белорусских экспертов, ясно видишь, что степень их открытости и глубины их ответов возрастает постепенно, по мере того, как они начинают доверять интервьюерам. Не исключено, в некоторых случаях это была реакция на возможные последствия контакта, отчасти – национальная черта. Но, как бы то ни было, работая в Беларуси, надо уважать поведенческую инерционность и стадийность реакций респондентов. Экспертные интервью позволяют варьировать ритм и плотность социологического контакта – в зависимости от достигнутого уровня доверительности. Что оказалось кстати.

Полученный в результате исследования массив транскрибированных текстов интервью был подвергнут полифакторному контент-анализу и широко использован при написании текста этой книги. Часть фрагментов имплементирована непосредственно в ткань авторского текста в качестве цитат, часть приведена в виде тематических подборок в завершении глав и разделов. Разумеется, мы не даём оценок высказываниям респондентов: ни комплиментарных, ни критических. Мы принимаем их, во-первых, как свидетельства компетентных экспертов, воспроизводящие – каждое в отдельности – часть объективной картины интересующего нас про-

блемного поля; во-вторых, как отражение личного, субъективного отношения к обсуждаемым вопросам людей, непосредственно влияющих на их состояние своей деятельностью.

И, конечно, на наше восприятие страны и на содержание этой книги повлиял настоящий водопад позитивных человеческих впечатлений от общения с яркими, содержательными людьми, подарившими нам не только своё время, но и свои мысли, эмоции, свои сомнения и надежды, свой юмор, свою веру, наконец.

Интересно, что в международной социологической среде сложилось неоднозначное мнение об условиях исследовательской работы в РБ. Некоторые коллеги, узнав о нашем белорусском начинании, предупреждали о возможном противодействии со стороны местных инстанций. Мы предприняли шаги по легализации нашего присутствия и нашей деятельности в стране. По этой ли причине, или потому что слухи о «негостеприимстве» местных инстанций были преувеличены, но нам в процессе работы ни разу не пришлось столкнуться с какими-либо искусственными препятствиями. Никакого противодействия – явного или скрытого – мы не ощущали. Все люди, которые могли чем-то нам помочь, помогали: советом, рекомендацией, участием.

Ещё одно важное соображение по итогам работы: российского исследователя, да и не только российского, не должна сбивать с толку схожесть населения наших стран, близость их образа жизни и образа мысли. Равно как не должны пугать и настораживать открывающиеся отличия. Вообще пора исследовать белорусский кейс вне жёсткой привязки к контексту отношений с РФ, рассматривать его как автономный, самодостаточный феномен. Такое расширение обзора откроет новые исследовательские перспективы, поможет лучше понять Беларусь: её прошлое, настоящее и будущее.

Понятно, что всегда легче писать об отличиях явных, выпуклых, бросающихся в глаза. Отличия россиян от нигерийцев, перуанцев или филиппинцев, конечно, заметить куда проще, чем их отличия от белорусов. В последнем случае – это отличия тонкие, нюансированные, не лежащие на поверхности и не превращающиеся для тебя в проблему при соприкосновении с ними. Тем важнее эта работа, тем ценнее её результаты.

Вообще, Беларусь как объект исследования заслуживает самого серьёзного к себе подхода. Изучая эту страну, надо изначально избавиться от снисходительно-благодушного отношения к ней как к объекту простому, тривиальному, понимаемому быстро и без особых усилий.

Кроме того, поработав в Беларуси, мы пришли к твёрдому выводу, что при описании и анализе страновой индивидуальности не стоит стремиться во что бы то ни стало придерживаться исключительно академического стиля и лексикона. Такая многоуровневая, разнородная и многоцветная реальность как жизнь целой страны не только позволяет, но иногда и требует совмещать строгий научный нарратив с художественными образами, метафорами, аналогиями. Именно образное мышление подсказало нам матрицу, в которую мы и уложили в конце концов материал, полученный в ходе «белорусского погружения».

Мы изначально поставили перед собой амбициозную задачу не просто выделить, описать и осмыслить видимые черты «страны Беларусь», но добраться до её предельных оснований, до чего-то «условно вечного», что определяет не просто жизнь, а самую судьбу народа. Разглядеть и вычленивать то неуничтожимое, связующее эпохи и поколения *вещество жизни*, угадать его ингредиенты и определить уникальный рецепт, по которому оно было сварено, и сварено именно этим народом.

Показавшийся поначалу перспективным образ дерева (корни – ствол – ветви – листья) был вскорости отставлен по простой причине: дерево никуда не двигается. А жизнь людей, стран и народов течёт непрерывно, всё время двигается и изменяется. Тогда родился *образ колеса*. И всё сразу встало на свои места.

Колесо – одно из величайших изобретений человечества – катится. Оно движется, но само остаётся неизменным. Колесо перемещается в пространстве и времени, оно катится

из прошлого в будущее. Оно было сделано давно. В те времена, когда народ становился народом. Это колесо от повозки (телеги, кареты, дилижанса). В повозке сидят дети – будущее потомство народа. Его будущее. Повозкой управляют люди, родители этих детей, нынешнее население страны. Его настоящее.

Наше метафорическое Колесо состоит, как и обычное материальное колесо, из обода и спиц. Обод – это то, что называется «национальный характер», то есть совокупность наиболее типичных качеств людей, составляющих этот народ, их интеллектуальных особенностей и психологических реакций, укорененных норм и моделей поведения, привычек, обыкновений, вкусов. Обод опирается на спицы, собирается, удерживается ими воедино. Спицы, в свою очередь, удерживают геометрию колеса, его способность катиться.

Спицы – это ценности, смыслы, коды миропонимания и нравственные аксиомы, являющиеся основой культуры народа, закрепленные в его языке, как системе мышления, способе кодировки информации. Это особый набор традиций и примет, по которым этот народ различает добро и зло, красоту и уродство, истину и заблуждения. Колеса нанизаны на оси, переднюю и заднюю, то есть культуру: высокую, профессиональную, и народную, бытовую. Вот такая картина у нас нарисовалась...

Можно, кстати, развивать образ и дальше. Тягловая сила – лошади, волю, ишаки или уже двигатель внутреннего сгорания – это ресурсы, экономические, прежде всего. Упряжь – способ впрягать ресурсы в повозку, то есть экономические правила. Манера управлять лошадью как политическая культура. Распределение мест в повозке как социальные иерархии и прочее и прочее... Но это уже темы для других исследований и других книг.

При этом в нашем Колесе смыслов нет ничего мистического или провиденциалистского. Мы никуда не уходим с почвы научного рационализма, материализма и монизма. Эта метафора не заменяет, а дополняет научное знание, делает его более пластичным, доступным и привлекательным.

[1] См. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона – М.: Московская школа политических исследований, 2002; Харрисон Л. Кто процветает?. Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М: Новое издательство, 2008; Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008.

[2] Ю. Г. Юшкова. Формирование системы ценностей в современном российском обществе. Автореферат диссертации. 2000. Российская Академия государственной службы при Президенте РФ.

Глава II. Страна Беларусь. Широкими мазками

Итак, какова страна, изучением которой мы занялись? Начнём с самого простого и очевидного. *Описательные параметры* Республики Беларусь производят впечатление, прежде всего, своей неисключительностью и своеобразной «равнобокостью»: все они тяготеют к среднеевропейским стандартам.

Со своими 9,5 миллионами населения Беларусь 17-я в списке 44 стран Европы, ранжированном по численности. По размеру площади страна – 14-я в Европе. При средней европейской плотности населения 31,9 кв. км на одного жителя показатель РБ – 46,1 кв. км. Плюс к этому Беларусь имеет на редкость сбалансированную модель расселения. Население распространено по территории Республики Беларусь довольно равномерно, особенно в сравнении с Россией.

Беларусь – территория, удивительно правильная геометрически. Столица Минск расположена в центре, остальные пять областей приблизительно равны по площади, областные столицы сопоставимы друг с другом по численности населения и другим системным параметрам. А транспортно-логистическая сеть страны такова, что добраться из столицы в любой населённый пункт автомобильным или железнодорожным транспортом можно за 3—4 часа.

Страна хорошо отцентрована, в том смысле, что столица репрезентативна и в геопространственном, и в коммуникационно-логистическом, и в социокультурном отношениях. Столица Минск – двухмиллионный мегаполис – доминирует, лидирует в политическом, экономическом и культурном пространстве, но не подавляет провинции, по крайней мере, в той степени, чтобы возникли свойственные некоторым странам гиперцентрализаторские диспропорции странового развития, не нивелирует чрезмерно их своеобразие.

Шесть административных регионов (областей), на которые поделена Беларусь, развиты относительно равноценно, среди них нет заведомых аутсайдеров ни по экономическим, ни по социальным и гуманитарным показателям. На особом счету – только местности, пострадавшие от техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986-м году.

В Беларуси есть межрегиональные различия, но нет межцивилизационных разломов. Соответственно нет предпосылок к сепаратизму и сецессии.

Республика Беларусь – одна из наиболее урбанизированных стран Европы: 77% её населения проживает в городах.

Ландшафт этой равнинной страны однотипен во всех её частях. В РБ нет труднодоступных или непригодных по природным условиям для жизни людей мест. Даже болотистые местности, которыми известна Беларусь, более-менее населены и обжиты.

Климат не идеален, но хорош для жизни, свободен от экстремальности. Практически вся территория страны пригодна для сельскохозяйственного производства (опять же с поправкой на inferнальные последствия Чернобыля).

Страна расположена в зоне слабой сейсмичности: последнее землетрясение здесь было больше ста лет назад. В Беларуси нет ни одного вулкана: ни действующего, ни потухшего. Нет бесплодных пустынь. Нет «полюсов холода».

Беларусь не слишком одарена ископаемыми ресурсами, но и не обделена ими совсем. Наиболее плодоносны для страны залежи калийной соли – сырьё для калийных удобрений, стабильно востребованных на мировом рынке.

РБ граничит с пятью странами: Латвией, Литвой, Польшей, Российской Федерацией и Украиной. Важно, что у Беларуси нет «плохого соседа», хотя, разумеется, какие-то текущие проблемы в отношениях с граничащими государствами могут возникать. При этом ни одно из них не имеет к РБ территориальных претензий, никто не оспаривает её существующие границы.

У Беларуси нет выхода к морю, но в нынешнее время этот фактор не настолько значим, как в былые эпохи.

На территории Беларуси (в Полоцке или близ него) находится географический центр Европы – точка несколько условная и, скорее, символическая, но всё же о чём-то говорящая.

Завершая обзор общих данных, можно сказать, что пространственное строение РБ, соотношение страновых количественных параметров – сбалансированное, близкое к оптимальному для современного государства.

Беларусь как страна. Территория. Народ. Государственность

Работая с белорусской тематикой, особенно остро чувствуешь необходимость в различении понятий «страна» и «государство». Как известно, слово «страна» не относится к числу строгих научных категорий, в нём присутствует некая неустранимая неоднозначность и недоочерченность. Однако обойтись без него гуманитарные науки тоже не могут. Необходимо же как-то называть те устойчивые, способные к историческому воспроизводству соединения географического пространства и социального сообщества со свойственными последнему формами организации жизни и склонностью преобразовывать пространство особым образом, создавая «вторую природу».

Не всякое соединение людей и территорий рождает страну: здесь ещё должна поработать история; социум и его жизненное пространство должны «врасти» друг в друга, придать друг другу свои черты. Государство же, как механизм генерирования власти, организации правопорядка и управления, придаёт завершённость процессу строения.

Известно, что крупные, многосоставные государства, особенно выраженного имперского типа, по факту состоят из нескольких стран. Образно говоря, империя (или постимперия) – это обычно «страна стран». С другой стороны, известны случаи, когда некая исторически сложившаяся страновая единица оказывается разделённой между двумя или более государствами.

Современные суверенные государства имеют чёткие физические границы, внутри которых действует их юрисдикция. Страны же – это, скорее, ареолы с границами не всегда явными, предположительными. Но и то и другое является объективной реальностью, а особенности их комбинации – одной из основных страновых характеристик.

Что касается современной Республики Беларусь, то с ней дело, как мы это понимаем, обстоит следующим образом.

Республика Беларусь имеет в своей основе оригинальное сочетание основных строобразующих компонентов: территории, населения и государства.

По крайней мере, оно принципиально отличается от привычного нам российского сочетания. *Беларусь*, образно говоря – это древняя страна и молодое (не сказать ли – юное?) государство.

Если обратить внимание на население Республики Беларусь, то для большинства этих людей характерна глубокая укоренённость в своём жизненном пространстве. Известно (по крайней мере, такова общепринятая версия), что современные белорусы – потомки представителей трёх славянских племён: дреговичей, радимичей и кривичей, расселившихся в рамках нынешнего ареала приблизительно с VI века н. э. Частично смешавшись с местными (видимо, немногочисленными) балтскими и финскими племенами, эти люди живут здесь и по сию пору. Такая долгая привязанность населения к территории – не исключение, но точно и не правило для мировой истории народов. Можно сказать, немного упрощая суть дела, что *белорусы живут там, где они жили всегда*.

Некоторое недопонимание и разногласия на почве темы этногенеза местного населения и его идентификации происходят периодически из-за позднего появления этнонима «белорусы». Мы исходим из того, что даже самое важное слово – это всего лишь слово. Специалисты-этнологи прекрасно знают, что многие современные нации обрели свои нынешние контуры, а часто – и свои нынешние имена – сравнительно недавно: сто, двести, триста лет назад. Так что отсутствие у этноса этнонима с глубокой историей, не менявшегося на протяжении веков, не компрометирует его, уж точно не ставит под сомнение его существование.

Вообще, склонность сомневаться в существовании белорусов как отдельного этноса имеет свою долгую традицию. Дискуссия о том, насколько автономен белорусский этнос, или

его следует считать, скажем, подвидом единого русского народа, идёт, то затухая, то возрождаясь, не одно столетие. И ведётся она как за пределами белорусского сообщества, так и внутри него. Наиболее часто внутренним эпицентром и инициатором дискуссии о «белорусскости» становилось течение западнорусизма, истоки которого уходят ещё в XVII-й век.

Мы не считаем для себя возможным вмешиваться в этот принципиальный спор хотя бы по этическим соображениям. Тем более что он далеко не окончен. Но определённо можем сказать о том, что увидели собственными глазами как социологи: *белорусы существуют*. Работая в Беларуси, мы обнаружили здесь вполне оригинальную нацию со своим неповторимым лицом, характером, линией судьбы, с набором системообразующих качеств и атрибутов.

Косвенным, но веским аргументом в пользу признания белорусов самостоятельной нацией является очевидный, заметный любому непредвзятому наблюдателю факт: в этих местах за многие века произошла глубокая адаптация людей к окружающей среде – климату и ландшафту, флоре и фауне. Адаптация физиологическая, психологическая, поведенческая. Население фактически слилось с местностью, стало её органичной, неотъемлемой частью.

Не случайно очень важное слово в традиционном белорусском лексиконе – «тутэйшыя» (Я. Купала так назвал одну из лучших своих пьес), то есть, местные, «тутошние». Именно так коренное население часто предпочитало обозначать свою идентичность, ставя этот маркер впереди собственно этнического или даже заменяя его.

С другой стороны, *территория* тоже «срослась» с населением, получила от него своё общепризнанное имя. Эти земли не ассоциируются больше ни с кем, хотя, помимо этнических белорусов, здесь укоренённо живут представители других этносов: поляки, русские, украинцы, евреи, татары. Сроки проживания некоторых этнических групп на местных территориях таковы, что позволяют и их уже считать автохтонами.

Врастание инородцев в местный социальный субстрат и их дальнейшее сожительство с этническим большинством, разумеется, не всегда было беспроблемным. Но Беларусь справедливо имеет репутацию земли, для которой не были характерны масштабные конфликты на национальной почве типа геноцидов (разумеется, мы исключаем сейчас войны). В дальнейшем мы ещё не раз коснемся темы влияния богатого исторического опыта межнационального сожительства на формирование местного этоса, национального характера и уклада жизни в целом.

История не была милостива к населению белорусских земель: на этой территории регулярно разыгрывались тяжёлые драмы и трагедии; цифры человеческих потерь поражают воображение. Качественная белорусская литература: от Богушевича и Богдановича – через Купалу и Коласа – к Короткевичу и Быкову, Адамовичу и его стилистической последовательнице Алексиевич, традиционно говорит языком беды, горечи и страдания. Но и она, национальная литература, утверждает, что страдания и потери только укрепляли кровную связь людей с этой землёй.

Так что *два базовых странообразующих элемента – территория и население – в случае с Беларусью представлены полноценно и неоспоримо*. С третьим же элементом, с государственностью, дело обстоит сложней. Правда такова, что до 1991 года за все времена писаной истории государство, в названии которого присутствовало бы слово «Беларусь» или «белорусский», появилось лишь в XX-м веке. Хотя история государственных образований на этой территории богата и разнообразна.

Сложилось, однако, так, что для многих людей за пределами Беларуси, да и для некоторых внутри неё белорусская государственность – это нечто, лишённое глубокой традиции, исторически эфемерное. Расхожие представления о ней основываются на тезисе о том, что «страна Беларусь» в течение долгого времени существовала в составе других государств, точнее, в составе государств, где белорусы не были государствообразующим этносом. Подтверждение упомянутого тезиса обычно видят в том, что страна Беларусь веками существо-

вала в зоне стратегического военно-политического соперничества крупных, влиятельных государств – Польши, России, Швеции, Пруссии, Австрии и, естественно, регулярно становилась предметом территориальных разделов. Разделы, конечно, не способствуют строообразованию.

Безусловно, большую роль в узаконивании подобных представлений сыграл тот факт, что история чаще пишется как история государств и гораздо реже как история стран. Это задаёт исследовательскую оптику, не благоприятствующую появлению беспристрастной истории страны Беларусь. Хотя, справедливости ради отметим, что вопрос о белорусской государственности действительно непрост, отягощён многими привходящими извне политическими и идеологическими обстоятельствами.

В процессе исследования стало ясно, что такое положение дел представляется серьёзной проблемой для белорусских интеллектуалов. Их системные усилия сосредоточены сейчас, главным образом, на решении проблемы *исторической легитимации* нынешней государственности. На первый план помещена задача обосновать право населения современной Беларуси на суверенное государство и – шире – на историческую субъектность.

Так, своеобразный, хотя, возможно, несколько умозрительный подход к решению задачи, предложенный одним из наших респондентов, основывался на нетождественности понятий «государство» и «государственность». Согласно этому подходу жители «страны Беларусь» всегда обладали правом на суверенное государство, но реализовывали его не напрямую, а как бы в некоем ансамбле народов. Образно говоря, полиэтничное государство здесь выступает чем-то вроде акционерного общества, а входящие в его состав народы – обладателями разного размера пакетов акций этого АО. Таким образом, получается, что и белорусы всегда были обладателями некоего «пакета акций» тех или иных государств, и, по этой логике, считаться народом, лишённым глубокой истории государственности, никак не могут.

Обнаружившееся в ходе экспертных интервью обострённое внимание наших собеседников к наращиванию веса и оттачиванию исторической аргументации права на субъектность порой начинало, честно говоря, казаться чрезмерным. Ведь обычно такие усилия необходимы, когда кто-то это право оспаривает или сомневается в нём: хоть корыстно, хоть из любви к истине. Между тем, право суверенной Беларуси на существование как будто не оспаривает никто, в том числе, на её существование в нынешних границах.

Постепенно пришло понимание, что нынешняя сосредоточенность на теме исторических прав «страны Беларусь» имеет свою мотивацию и свою извилистую предисторию. За ней стоит нежелание допустить хотя бы на минуту, что белорусская государственность началась в 1991 году с чистого листа. Такое допущение как будто не подрывало бы легитимность нового государства де-юре, но, возможно, бросило бы тень на её стартовые позиции де-факто. По крайней мере, такое предположение серьёзно беспокоит национальную интеллектуальную и культурную элиту: отголоски этого беспокойства постоянно звучали в ходе наших интервью. Более того, недостаточность исторической легитимации ощущается как проблема уже давно, и подходы к её решению на самом деле предпринимались задолго до 1991-го года. Даже белорусский самиздат в советское время (он всё-таки существовал, как бы это кого-то не удивило!) усилиями, например, историка-диссидента Ермоловича Н. И. тематически был завязан на сюжеты местной истории и доказательства – реальные или мифические – почтенного исторического возраста белорусской государственности.

Среди наших респондентов было несколько профессиональных историков, и не удивительно, что именно они наиболее полно и последовательно представили возможные направления обоснования прав на историческую субъектность Республики Беларусь.

Наши собеседники с разных сторон интерпретировали тезис о том, что белорусы, по сути, имели свою государственность, находясь (полностью или частями) в составе таких государ-

ственных образований как Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское (ВКЛ), Речь Посполитая, Российская империя, Польская республика, Советский Союз.

Собственно, отсчёт самостоятельной белорусской государственности принято вести от Полоцкого княжества – государственного образования раннего средневековья, располагавшегося на значительной части современной Беларуси в IX–XIII веках. При всех известных отличиях государственных образований того периода от современных образцов это – признанный исторический опыт самоорганизации местного населения.

Но значение главного аргумента в доказательстве исторической глубины национальной государственности и способности местного сообщества к государственному строительству придаётся Великому Княжеству Литовскому, которое на первом этапе своего существования (XIV – XVI вв.) вообще объявляется белорусским в своем основании государством, а в дальнейшем, после Люблинской унии 1569 года с Польшей – частью конфедеративного (или протофедеративного) мегагосударства Речи Посполитой, сохраняющего в его литовской части сильную белорусскую «окраску».

Великое Княжество Литовское – это действительно интересный и значительный феномен средневековой истории восточно-европейского ареала. Наши респонденты говорили про ВКЛ много, с видимым удовольствием и пиететом. Упоминали прогрессивность (для своего времени) экономического уклада; отсутствие крепостного права; формирование локальных рыночных экономик с участием фольварковых хозяйств и сети мануфактур; предприимчивость местных магнатов и шляхты. Уважительно, с гордостью рассказывали о Статуте ВКЛ – одном из лучших правовых кодексов своего времени, прообразе современных конституций, постулировавшем зачатки правового государства и определённые права личности. Приводили неоспоримые примеры возрожденческих тенденций в культуре. Указывали на то, что название «литвин» вовсе не означало литовца и, вообще, несло в себе указание не на этническую, а на государственную принадлежность: большая часть литвинов – это предки современных белорусов. И, конечно, обязательно напоминали, что языком правовых установлений и делопроизводства в ВКЛ был старобелорусский язык.

Из всего этого становилось ясно, что для многих представителей интеллектуальных и культурных кругов современной Республики Беларусь *период ВКЛ*, по крайней мере, до объединения с Польшей и постепенного перехода к польскому доминированию в XVII – XVIII веках, *это своего рода «золотой век» Беларуси, неиссякаемый источник национальной гордости и самоуважения.*

Отсюда понятно, почему бороться за «белорусский приоритет» истории ВКЛ для местных интеллектуалов – старая и благородная, идущая ещё со второй половины XIX века, традиция. Этой традиции следовали и упомянутый выше Ермолович, и культовый белорусский писатель и историк Владимир Короткевич, и ряд других видных деятелей культуры, науки, общественно-политической среды.

Не станем сейчас оценивать убедительность и корректность этого манёвра, но отметим, что он осуществляется по широкому фронту: в лоно белорусской истории перемещаются люди, события, объекты материальной и нематериальной культуры, социальные и государственные институты, которые в иных исторических школах принято было связывать с польским, литовским, российским происхождением. (Один из наших респондентов назвал эту деятельность «преодолением робости».)

Впрочем, уместно ли здесь слово «борьба»? Кто, с кем и за что борется? Да, противоборство в вопросе первородства ВКЛ – бескровное, но напряжённое – существует. Главный соперник страны Беларусь в борьбе за наследие ВКЛ – это, безусловно, Литва. Маленькое прибалтийское государство настаивает на том, что именно оно является прямым преемником ВКЛ, не хочет никому уступать свой приоритет и крайне ревниво отслеживает любые попытки представить дело как-то по-иному. Даже постановка балета «Витовт» в Государственном белорус-

ском театре оперы и балета в 2013-м году повлекла за собой приезд группы литовских парламентариев на премьеру – с плохо скрываемой «инспекционной» целью.

Рискуя обращаться к столь чувствительной теме, мы никоим образом не хотим поставить под сомнение целесообразность профессионального соревнования специалистов за национальный приоритет в интерпретации тех или иных исторических феноменов и сюжетов. Но победа в этом соревновании не всегда приносит победителям практическую пользу. Нам представляется, что обоснование белорусского приоритета в отношении истории ВКЛ может иметь, главным образом, символическое и/или репутационное значение.

И это, безусловно, важно, но *в практической работе по строительству современного государства в XXI веке исторический опыт ВКЛ вряд ли может быть широко востребован*. Государственность современного типа рождалась вместе с Новым Временем (модерном), рождалась в длительной борьбе абсолютизма с республиканством, в переходе от подданства и сословности к гражданству и личным свободам, через секуляризацию, эмансипацию и просвещение, на фоне формирования национальных и мировых рынков.

И, если ВКЛ было во многих отношениях одним из передовых государств позднего средневековья в Европе, то уже Речь Посполитая, вобравшая в себя белорусское (или протобелорусское) население и понемногу растворившая его политическую субъектность, не была цивилизационным лидером своего времени, хотя и следовала некоторым прогрессивным трендам.

Эпоха полонизации (XVII—XVIII вв.) политической и общественной жизни, наступившая в «стране Беларусь» тогда, когда ряд народов Европы вступил в полосу формирования современных наций и национальных государств, несколько сдвинула её, страну, с магистрального пути цивилизационного развития.

Однако, судя по свидетельствам наших респондентов, именно в этот период население «страны Беларусь» выработало свой оригинальный, впоследствии развитый практически до совершенства, способ жить в условиях инокультурного присутствия, даже тогда, когда это присутствие реализуется через доминирование: политическое и/или культурное.

Видимо, с тех пор в белорусском национальном восприятии инородное присутствие не обязательно воспринимается как покорение, как сигнал к развёртыванию открытой борьбы за независимость. Население белорусских земель в таких случаях в первую очередь включает механизм адаптации, ищет такие формы сосуществования, которые позволили бы сохранить себе жизнь, безопасность, приемлемый уровень достатка и приемлемую меру свободы – с соблюдением внешней лояльности. И только, если этого никак не удаётся, переходит к упорному сопротивлению, начинает «партизанить». (Здесь вспоминается сюжет замечательного фильма «Город мастеров», снятого в 1965-м году на студии «Беларусьфильм»)

Насколько мы поняли из содержания интервью и знакомства с соответствующей литературой, научной и беллетристической, именно в этот период были заложены основы национального характера современных белорусов. Именно в тех условиях «страна Беларусь» нашла свой особенный способ самосохранения, освоила навыки адаптации к инокультурным влияниям, выучилась тонкому искусству балансирования между «можно» и «нельзя», между «своим» и «чужим», между «хочу» и «смогу».

Эти навыки только закрепились и развились у местного населения, когда эпоха полонизации сменилась после разделов Речи Посполитой в конце XVIII – начале XIX веков эпохой русификации. Более чем вековое пребывание «страны Беларусь» в составе Российской империи оказало сложное, противоречивое влияние на формирование национального самосознания, на созревание национальной идентичности. Это – ещё один давний предмет спора внутри белорусских гуманитарных и политических элит. Нет возможности и необходимости воспроизводить все его повороты и грани в нашей книге.

Но для нас очевидно следующее. В XIX – начале XX веков в стране Беларусь, находящейся внутри Российской империи, происходили процессы формирования нации эпохи

модерна. Имперская идеология это не поощряла, уж точно не ставила это своей целью, но имперская *практика* с её допущением асимметрии подходов к различным территориальным и этническим кейсам, допущением эксклюзивных решений для эксклюзивных случаев этому не препятствовала. По крайней мере, до тех пор, пока национальные проявления не приобретали оппозиционно-политическую направленность.

В этой связи показательно, что формирование национальной интеллигенции, её установок и ценностей и в XIX, и в XX, и в XXI веке происходило и происходит под непреходящим обаянием образа ВКЛ. Историческая ностальгия по эпохе ВКЛ пережила своеобразный ренессанс в российско-имперскую эпоху и находила себе почву для произрастания в эпоху советскую.

Именно этим словом – ностальгия – обозначил другой наш респондент оппозиционные проявления в новой истории страны Беларусь. Сославшись на диссертацию другого историка и тем самым несколько дистанцировавшись от излагаемого контента, он элегантно «нанизал» пять известных эпизодов местной истории, относящихся к периоду вхождения белорусских земель в состав Российской империи, на один стержень: «ностальгических попыток» восстановить литовскую (читай: белорусскую де-факто) государственность. Вот эти попытки:

- 1) Восстание под руководством Тадеуша Костюшко 1794 года
- 2) Поддержка известного проекта Наполеона, обещавшего восстановить ВКЛ после победы над Россией, в 1812-м году
- 3) «Масонское восстание» в Варшаве 1830—1831 года
- 4) Восстание под руководством Кастуся Калиновского 1863 года
- 5) Межвоенный период разделённого существования белорусских земель в 1921- 1939-м годах

Люди, увлечённые имперской идеологией и вообще темой великорусскости, наверняка увидят в этой схеме антироссийскую направленность, но будут неправы. Это направленность пробелорусская. Это попытка прочертить единую линию через карту истории страны Беларусь. И не нам судить, насколько она обоснована.

Однако нам такая позиция кажется уязвимой с другой стороны. Ретро-идеологии симпатичны, по крайней мере, в своём кругу, они способны греть душу и поддерживать достоинство. Но они непрактичны и неперспективны для государственного строительства эпохи постмодерна. Это неподходящий строительный материал: современные государства строят из других материалов и по другим чертежам.

Да, прочная, эффективная государственность вырастает из честной исторической памяти, из понимания собственного прошлого и уважения к нему. Но *выяснение отношений с собственным прошлым не должно мешать выяснению отношений со своим будущим*. Будущее нельзя заменить прошлым, тем более, отдалённым. Трудно рассчитывать на благополучие в сегодняшнем дне и успешность в завтрашнем, держа голову то и дело повернутой назад.

Понимаем, что для многих белорусских интеллектуалов, включая часть наших респондентов, будет не по сердцу следующее утверждение. Но всё-таки *ключевое значение для появления новой исторической реальности в виде суверенного государства Республика Беларусь имеет XX век, а именно – та часть жизни «страны Беларусь», которую она прожила в составе СССР под именем Белорусской Советской Социалистической Республики*. Именно в этот период Беларусь обрела свои нынешние границы, правосубъектность, международное признание, получила, наконец, своё имя. Именно этот период стал прологом к завершению строанообразования, растянувшегося для Беларуси на многие десятилетия и даже века. (Концептуальные аспекты этой темы подробно освещены в специальном приложении)

Впрочем, для завершённого перехода в суверенное состояние новообразованные государства должны были после 1991 года одновременно решать несколько групп задач:

- 1) Задачи «достройки» государства модерна

2) Задачи «достройки» национального государства

3) Задачи конструктивного выхода из советского состояния, адаптации советского наследия

Такая нетривиальная комбинация, во многом нарушающая каноническую историческую последовательность и складывающаяся из нередко противоречащих друг другу задач, пожалуй, никому не далась без серьёзных ошибок и чувствительных потерь. Одной из особенностей выхода Беларуси из советской государственности стала повышенная болезненность восприятия происходящего большинством населения. Один из наших респондентов рассказывал, что несколько лет после самороспуска СССР он почти физически страдал от того, что больше не живёт в огромной стране, где есть Камчатка, Памир, Крым, Байкал и т. п. Очевидно, что он был не одинок в этом чувстве.

Возможно, дело в том, что Беларусь обладала особым положением внутри советской государственности. Вряд ли корректно говорить о привилегированности её статуса, но степень самоидентификации с «советскостью» у населения бывшей БССР, безусловно, была выше, чем в других республиках, включая, как это не парадоксально, Россию. Как мутировала эта самоидентификация сейчас, на 27-м году независимости, нам сказать сложно. Для этого требуются социологические работы совсем иного масштаба и большее разнообразие методов, нежели мы могли себе позволить.

В любом случае, из того, что мы увидели и услышали в Беларуси, можно понять: *белорусская государственность состоялась*. Её следует рассматривать – и в концептуальном, и в практическом плане – как явление в большей степени определившееся и устоявшееся, нежели промежуточное или переходное. Нет никаких убедительных причин игнорировать тот факт, что Республика Беларусь обладает на сегодняшний день всеми необходимыми атрибутами современной государственности: полным комплексом государственных институтов, законченной нормативно-правовой базой, своеобразной политической культурой, сложившейся национальной элитой (по нашим наблюдениям можно понять, что в Беларуси в целом завершился отбор условных пятисот семей, которые согласно современным элитологическим теориям управляют – в той или иной комбинации легальности и латентности – любой страной). К каждому из этих атрибутов можно относиться критически, фиксировать и анализировать, справедливо или предвзято, их несовершенства. Но все они так или иначе работают, воспроизводятся, обладают определённым запасом устойчивости и адаптивности.

Страна Беларусь, таким образом, наконец, получила своё государство. И тем самым процесс странообразования на этой части планеты обрёл полноту.

Итак, сформулируем итоговый вывод: Республика Беларусь – не случайное явление истории. В её причинном базисе присутствуют все компоненты, служащие обычно обоснованиями претензий народов на суверенитет: государствообразующий этнос, признанные международным сообществом и никем не оспариваемые границы, устойчивое население, природная ресурсная база, историческая субъектность, культурная уникальность.

О культурной уникальности и ментальной особице мы и будем далее говорить. Постараемся дать по возможности беспристрастный и внимательный обзор основных составляющих культуры и ментальности современной «страны Беларусь».

Ключевые цитаты к разделу

«Формирование белорусского народа – белорусской государственности, национальной культуры, языка, идентичности – это следствие исторического процесса, который охватывает

около тысячи лет. Это очень важно, чтобы не складывалась мнение, что все это появилось недавно – сто лет назад или вообще в начале 21-го века». (м., ст., наука)¹

«Долгое время Великое княжество Литовское как явление политическое, полиэтническое, поликультурное воспринималось несколько односторонне. Это было, наверное, из-за нашей научной толерантности и определенного рода скромного взгляда на историю.

Великое княжество Литовское формировалось, как и Советский Союз потом формировался вокруг нынешней Российской Федерации: появлялись Беларусь, Украина, страны Балтии, азиатские нынешние государства вокруг такого центра. А тогда, в XIV – XVI веках, таким центром являлись белорусские земли. И вокруг белорусских земель, как вокруг центра, формировалось Великое княжество Литовское, когда подключались земли Балтии, частично земли нынешней Украины, некоторые регионы, которые сейчас входят в Российскую Федерацию и т. д. Это сейчас для нас важно, чтобы понять, какое место в европейском этническом пространстве занимают белорусы, понять, что именно тогда сформировался белорусский народ – в XIV – XVI-м веках.

Сформировался белорусский язык, его диалектные особенности, сформировалась этническая территория, которая, скажем, в летописи 1280 года появляется как «Белая Русь», появились этнонимы – белорусцы, белорусы. Появляется самосознание, появляется духовная культура, начинает формироваться фольклор, устное поэтическое творчество и т.д.». (м., ст., наука)

«Формируется, особенно в XV – XVI веках, национальный рынок. Это было связано с тем, что, в отличие от других регионов, здесь возникли фольварки – поместья, которые занимались производством товаров для продажи и получения денег. То есть, шел процесс, как и в развитых европейских странах, смены натурального обмена денежной рентой; появляются местечки, торгово-ремесленные поселения, их очень много и, в том числе, с целью государственной, потому что они работали для пополнения казны деньгами через торговлю, через рынок». (м., ст., наука)

«Беларусь практически никогда не имела государства вне союзов с другими странами. Великое княжество Литовское было совместным государством белорусов, славян, и литовцев, и балтов. Впоследствии Речь Посполитая – это государство Великого княжества Литовского и поляков и т. д. И этот момент поиска решения проблем совместно с кем-то для белорусов имеет большое значение. Это давняя традиция белорусского государства. Когда белорусы стремятся сблизиться с одним из своих соседей в определенных вопросах, то после решения этих вопросов – стремятся максимально дистанцироваться». (м., ст., наука)

«Если вы поговорите с литовцами, то они в своем прошлом разбираются лучше нас, а оно во многом общее. У нас здесь нет ни одного памятника Витовту, а у них есть Витаутас – как Иван на Руси, у них Витаутасы, Альгерды и т. д. Вот для них прошлое имеет значение для их будущего, потому что оно существует на этом уровне: имена, фамилии, памятники. Как раньше памятники Ленина стояли, у них сейчас памятники Витовту, Альгерду, Миндовгу стоят. Мы тоже знаем, что Миндовг коронацию вроде бы осуществил в городе Новогрудке – это 150 километров от Минска, но в Новогрудке нет памятника Миндовгу, и нет ни одного жителя с фамилией Гедиминович или Миндовг – не найдете. У нас была долгая полемика, что в Минске не было памятника Франциску Скорине – первопечатнику. Копья ломали, на митинги ходили, где памятник ставить... поставили возле библиотеки, но я что-то не помню, чтобы там хоть один цветок лежал, ни митингов там нет, ни литературных чтений – ничего. (м., ср., образование, искусство)

¹ Принятые сокращения: м. – мужчина, ж. – женщина, мол. – молодой возраст, ср. – средний возраст, ст. – старший возраст; далее указывается профессиональная сфера респондента.

Я считаю, что белорусы... устремлены в будущее. Все события белорусов впереди, потому что за спиной у них, как сейчас модно говорить, какая-то гибридная история». (м., ср., образование, искусство)

«Белорусская земля, через нее прошло всё, что могло пройти, и всё в основном это уничтожающее было, а не созидательное. Независимо от того, в каком бы мы не находились государственном формировании, будь то – польское формирование, литовское, российское, к сожалению, кроме того, чтобы брать от нас что-то, практически нам ничего не давалось». (м., ср., культура)

«Только в последнее время в рамках развития самостоятельной государственности начинает появляться самостоятельное самосознание, и сейчас уже начинает формироваться такое мнение, что не только на нас влияли культуры, с которыми мы были совместны, а что белорусы влияли достаточно серьезно и на политическую ситуацию в мире, так как многие были выходцами именно с этой земли и на культурную отрасль». (м., ср., культура)

«Музейное дело только сейчас осознанно начинает выходить на рубеж самостоятельной страны, самостоятельного народа и самостоятельной культуры. Мы начинаем более уверенно вести направленную работу по поиску и популяризации тех земляков – выходцев с этой земли, которые оказали влияние... Недавно была выставка про историю кинематографа, оказывается, Голливуд практически основан выходцами из Белоруссии. Наиболее яркие, уникальные изделия, которые создавались при строительстве той же Москвы, её Кремля, это тоже были выходцы из Белоруссии». (м., ср., культура)

«У нас не было никогда безоблачных, счастливых моментов жизни Беларуси как таковой. Мы все время говорим, что это история земли белорусской, потому что говорить, что это история белорусского государства, мы можем только последние несколько лет». (м., ср., культура)

«То, что мы все-таки сумели сохранить нацию, сохранить народ, создать самостоятельное государство, думаю, это процесс постоянной борьбы за выживание. Мне кажется, что народ постоянно закалялся в тяжёлые моменты, потому что, когда все безоблачно и хорошо, теряется чутье для самосохранения. А наши люди привыкли преодолевать трудности, проблемы, соответственно, они преодолевали их и более-менее преодолели при создании государства». (м., ср., культура)

«Мы всегда находились в эпицентре; говорить, что мы примыкали к кому-то, сложно... государственное формирование с участием Белоруссии, если бы оно примыкало, мы бы были где-то на окраине, то есть, нас взяли и подтянули, а так мы постоянно – что в литовском княжестве, что в польском, что при российской империи – были не с боку, не с краю, мы были в эпицентре событий. Может быть, и за счет этого у народа создавалась внутренняя, даже неосмысленная самооценка, что все-таки мы влияем на это». (м., ср., культура)

«Мы сохранились за счет корневой системы, в нашу землю мы росли. Здесь ведь не было таких глобальных переселений независимо ни от чего. Если многие народности кочуют туда-сюда, все зависит от обстоятельств, то, чего бы ни было, мы все сидели на своих кочках, там, где родились, и мне кажется, эта притягательная сила очень мощная. Я думаю, есть такое – взаимосвязь человека и земли». (м., ср., культура)

«Главное не то что мы туда-сюда, а главное то, что по нам туда-сюда – вот это главное. И отсюда нам все равно, только чтобы не трогали, оставьте в покое». (ж., ср., медиа)

«Сколько делили Беларусь и туда, и туда, эти войны бесконечные, навязанные извне... Польская идентичность, русская идентичность, и туда, и туда, а в итоге вроде бы какое-то отсутствие идентичности, но в этом я и состою, я могу и с этим, и с этим поговорить, но всё... вздохнул, гости все ушли, а мы что? Вот своё, земелька, какой-то мой круг – вот это что-то такое белорусское. Защищать – да, я буду защищать своё, но идти куда-то далеко, защищать кого-то из принципа, вряд ли». (м., ср., конфессии)

«Для многих белорусов, чтобы стать великими гениями, чтобы стать Шагалом, чтобы стать Майером, который занимался Голливудом, чтобы стать кем-то, даже главой мафии, три президента из девяти израильских родились в Белоруссии, им надо где-то в другом месте учиться, развиваться, проявляться. С одной стороны, нет пророка в своем Отечестве и ничего нового, с другой стороны, что ж так? ... есть такая песня «чтобы любить Беларусь милую, нужно в разных странах побывать» (м, ср., конфессии)

«Очень многое в жизни Белоруссии определяется ее положением. Она находится между Польшей и Россией, у нас даже такая песня есть „Между Польшей и Россией полька белорусская“. И вся наша история проходит под этим знаком, между Польшей и Россией, между Востоком и Западом, между Европой и Азией». (м., ст., медиа)

«Нас история „пробовала на зуб“, на излом несколько раз». (м., ст., медиа)

«Должен же на чем-то базироваться фундамент. Например, сказать как русские: «мы – великий народ», мы не можем, потому что у нас нет Сибири, Дальнего Востока, нас гораздо меньше, но должно быть что-то, что вызывало бы чувство патриотизма, чувство осознания того, что мы «еще не лаптем хлебаем». (м., ср., медиа)

«Это осознание того, что мы не с неба свалились, понятно, кто такие, кто наши предки – это те люди, которые создали Полоцкое княжество, те люди, которые были наравне с Новгородом и Киевом по тем временам, те люди, которые написали Статут Великого княжества Литовского – один из первых сводов законов, который был принят, те люди, которые защищали эту землю и в 1941-м году и т. д. У нас целый пласт, история уходит далеко, как минимум, назовем 862 год. Соответственно, это наша общность, это наши корни, соответственно, мы должны об этом знать, должны детям это показывать». (м., ср., медиа)

«Мы отказались на уровне государства от исторических корней, мы отказались от флага – белого-красного-белого, потому что под этим флагом были поплечники – сторонники Гитлера, националисты. Этот флаг скомпрометирован – откажемся, и – к зелено-красному, и фактически пласт истории отрубили, подарили литовцам, нашу историю мы отдали литовцам. Литовцы сказали, что это все наше, литовцы издают книги, в которых написано, что этот князь – литовский. Великое Княжество Литовское началось из Новогрудка. В Новогрудке гора Миндовга, а литовцы говорят: „Какой Новогрудок, у нас здесь и т.д.“, это же не описано – не докажешь». (м., ср., медиа)

«Где-то „осовечивание“, строительство социализма навязывалось, люди до этого жили в других координатах, но в плане национальной культуры, оно не сделало нам хуже, это однозначно. Это в какой-то мере нас, Западную Беларусь, спасло от ополячивания». (м., ср., медиа)

«Весь этот регион, который примыкает к России – Витебск, Могилев, Гомель – это же все лежит на пути „из варяг в греки“. Поэтому здесь находятся фрагменты совершенно разных культур, которые формировали эту общность. Поэтому когда говорят, что это чисто славянский вариант и это русские, но немного другого цвета – это не так, потому что белорусы – это совершенно другая ментальность. Она сформирована именно по той самой причине, что здесь географически, геополитически, климатически территория, которая формировалась, как в свое время Древняя Месопотамия, на разных путях, причем на пути с севера на юг, с запада на восток, и именно этот регион был таким лакомым кусочком всегда для всевозможных крестоносцев, орденов и т.д.». (ж., ст., наука, образование)

«Ни одна страна не будет отрицать возможность прибавить себе исторических лет и сделать свою историю более весомой с точки зрения времени. Здесь так получилось волею судеб, что исторически развивались эти земли и существовали так, что идея государственности исчезала и возникала». (ж., ст., образование)

«То, что сегодня для молодых людей в учебных пособиях, в университетских курсах появляется история, которая имеет глубочайшие корни, объединяет общеславянское братство в прямом смысле: Полоцк, Киев и позднее Москва, это, безусловно, в сознании гражданина

страны, я думаю, прибавляет очень многое, потому что на основе исторического знамени растет национального самоощущение, самосознание – что твоя культура и твоя история древнейшая. И, более того, что она оказалась непосредственным образом вписана в контекст развития славянских народов». (ж., ст., образование)

«Когда наши дети стали изучать историю Великого княжества Литовского, мы вступили в спор с нашими литовскими друзьями. У нас там коллег немало, у них есть карта Княжества Литовского, мы понимали, что она выглядит иначе. Но то, что сегодня можно так посмотреть на свою страну, которая то захватывалась, то была на пути у кого-то, то делилась, то разделялась, и вот вдруг наступило какое-то успокоение, я считаю, что это огромное преимущество и очень мощный фактор для национального, как говорят белорусы, самоощущения. Это греет душу и очень серьезно». (ж., ст., образование)

«Белорусы жили уникальной исторической жизнью – власть была далеко, и она была не своя. Великое княжество Литовское – это был единственный период, когда власть была понятна людям, власть разговаривала на белорусском языке, народ разговаривал на белорусском. А дальше что происходит: власть живет на Западе, в Кракове – это далеко, это даже по сегодняшним меркам не близко на машине, на поезде, а если представить Полесские пущи того времени, я думаю, это вообще край света. Потом Россия, Санкт-Петербург – это географически далеко и это ощущение того, что Царь – далеко, Бог – высоко, и ты сам за себя отвечаешь, за свою семью, за этот клочок земли, вот это, наверное, и есть то ощущение, которое объединяет. Здесь живут люди, каждый из которых за себя отвечает, он не берет на себя много, этот клочок земли. Это его ответственность, он не рассчитывает на власть, на чью-то поддержку, он понимает, что это то, за что с него спросят. Мне кажется, это ощущение объединяет». (ж., ср., образование)

«Любопытна история Ефима Карского. Он изначально был ярким последователем западного русизма, исходил из того, что Беларусь ничем не отличается, это малороссы, это Западный край, и они все в общем этносе должны развиваться. Карский сам из Гродно, сами себе эту идеологию создали, она была очень удобна российским властям. И Карский, чтобы доказать эту теорию, поехал по Белоруссии изучать белорусский этнос, доказывать, что мы – часть России, российской культуры, российского этноса, российского языка. И удивительным образом к концу своего путешествия он пришел совершенно к противоположному выводу. Это такая удивительная трансформация ученого, когда он хотел доказать одно, а пришел совершенно к противоположному. И вот белорусы положили в основу именно его исследование, основываясь на том, где расселяется белорусский этнос». (ж., ср., образование)

«Беларусь стоит вот на этом: „оставьте нас в покое“. „Беларусь никому не нужна“, мы все это очень хорошо знаем, что сама по себе никому не нужна, но сталкиваются цивилизации именно почему-то у нас». (ж., ср., медиа)

«Корни для нации – это интересно, но не надо к этому относиться с безумным историческим рвением, не надо к этому относиться как к мифу. Касательно Великого княжества Литовского, мне кажется, самое интересное для белорусов в том, что мы были частью другого „русского мира“, не того, что было Московским государством, что было связано с территориями, которые попали под Орду, это был другой „русский мир“. В силу определенных геополитических обстоятельств его утащило туда, на Запад. Хорошо это было или плохо, об этом можно дискутировать, это отдельный разговор». (м., мол., наука)

«Битва под Оршей, про которую белорусы сейчас любят говорить, что мы там дали жару, тридцать тысяч войска ВКЛ разгромили шестьдесят-восемьдесят тысяч московского войска. Это миф, потому что у этой битвы не было важного геополитического контекста. Смоленск потеряли по итогам, и по большому счету этой победой воспользовалась Ягеллоны, чтобы доказать свои претензии в Европе, чтобы показать, что Московское государство – отдельно, а мы – Европа, тут ведем большую политику на равных с Габсбургами. А для нас было важно, мне

кажется, что мы потеряли геополитический вектор, который в какой-то момент, наверное, мог привести удачно Великое княжество к тому, чтобы именно вокруг ВКЛ объединить эти русские территории – бывшей Русской, Киевской Руси, а не вокруг Москвы, это был шанс исторический. Но получилось так, как получилось». (м., мол., наука)

«В то время, когда на Руси еще было „грязи по колено“, здесь было Возрождение, здесь были мощные улицы, здесь была нормальная торговля, отличные ремесленные мастерские, в каждом городе было по 2—3 стекольных мастерских, делали отличную керамику, были ювелирные мастерские, это все было в 14 веке, раскопки об этом говорят». (ж., ср., искусство)

Национальный вопрос (этническое развитие и межэтнические отношения)

Этничность и культура сращены в своей корневой основе. Многолетний и многоаундовый этнографически-культурологический спор о том, какое звено в этой сцепке первично, и что от чего производно, для нашего исследования не принципиален. Является ли национальная культура, главным образом, *формой* выражения сущностной уникальности этноса, или её живородящим лоном, её главной *миссией* и главным оправданием существования этого народа в истории? Для нас равно важно и первое и второе.

Что неотменимо важного узнали и поняли мы о той стороне жизни страны Беларусь, которую традиционно принято называть «национальным вопросом»?

Современная Республика Беларусь – одно из самых «славянских» государств мира: доля славян (белорусы, русские, поляки, украинцы, полешуки) в нынешнем составе населения составляет 97%. Для сравнения: в России этот показатель – около 84%. В списке славянских народов мира белорусы с численностью в 10 миллионов человек расположились на седьмом месте после русских, украинцев, поляков, сербов, чехов и болгар. Впрочем, точнее будет сказать, что они вместе с сербами, чехами, болгарами и хорватами входят во вторую группу славянских этносов численностью 8—12 миллионов.

При знакомстве со статистическими данными о национальном составе Республики Беларусь может создаться впечатление, что это государство близко к мононациональности. По последней переписи почти 84% его граждан указали в качестве своей национальности вариант «белорус». В современных гуманитарных науках принято считать, что, если доля одного этноса к государству превышает 80%, то его следует считать тяготеющим к мононациональности; при 90% – однозначно мононациональным.

С Беларусью всё и так и не так. По крайней мере, попав в эту страну, быстро замечаешь, что сталкиваешься с каким-то особым типом мононациональности, не похожим на, скажем, армянский или туркменский или, возмём поближе, польский тип.

Главное отличие, по нашим наблюдениям, в том, что *межнациональные границы в Беларуси часто проходят не между людьми, а внутри каждого из них*. Эта особенность быстро проявилась в ходе нашего исследования. План (гид) наших интервью включал в себя вопрос об этничности респондента. Это было важно в контексте исследования и не содержало ничего провоцирующего. В поведении наших уважаемых «ответчиков» была, как правило, одна особенность: они задумывались прежде, чем начать ответ. Далее следовал рассказ о родословной. В рассказе обычно фигурировали упоминания о нескольких составляющих: ими могли быть – в разной комбинации – белорусские, польские, русские, еврейские, украинские, татарские корни. Некоторые начинали со слов «вообще-то я полешук». Но заканчивали почти все, как правило, выводом: «Я – белорус».

Собственно, ничего необычного в этом нет. Смешанная этничность – распространённое явление в современном мире. Особенно, если речь идёт о народе, многие века жившем на «оживлённом перекрёстке» истории, в условиях интенсивной социальной диффузии.

Но есть впечатление, что страна Беларусь прошла по этому пути куда дальше многих. *Адаптация и мимикрия здесь часто оказывались более востребованными социальными механизмами, нежели ассимиляция и аккультурация*. Всё это за долгие годы привело к тому, что в тело белорусского народа оказалось глубоко и органично вживлено много инокультурных элементов. Но полонизация, русификация, украинизация, иногда – онемечивание, все эти процессы приобретали в местных сообществах по возможности естественный характер, с тенденцией движения *от сосуществования к сожительству*. Инородные элементы: люди, языки, культуры, институты, юрисдикции, социальные практики – подвергаются в Беларуси медлен-

ной, но неуклонной натурализации. Местное население неагрессивно, но настойчиво и скоро-висто приспособливает их на свой лад, при этом и само без особого гонора приспособляясь к ним.

В результате «белорусскость» оказывается будто растворена в людях; и степень её концентрации не есть величина постоянная: она способна изменяться под влиянием жизненных обстоятельств и особенностей личностного развития. Получается, что «белорусскость» – это не столько признак для чёткой фиксации национальной принадлежности конкретного человека, сколько один из ингредиентов его личности. Возможно, поэтому национальное чувство белорусов – ровное, без углов и выступов. В его кардиограмме нет ломаных пиков гордыни и самолюбования, но нет и тёмных провалов, трясинных ям самоуничтожения. Разумеется, не всё просто с национальным самосознанием белорусов, как думают многие наблюдатели со стороны. Хотя, впрочем, разве у кого-то с этим просто?

Забегаю немного вперёд, предположим, что такая мировоззренческая позиция и поведенческая стратегия помогают народу выживать и сберегать собственную идентичность в сложных условиях внешних вызовов, но создают определённые проблемы на исторических развилках, в моменты национального и государственного самоопределения.

Главная же проблема, по-нашему, заключается в следующем: *при любых попытках выделить «чистое вещество белорусскости» для нужд строительства современного государства оказывается, что неизбежные при этом процедуры дерусификации, деполонизации или деукраинизации приносят слишком чувствительные, невосполнимые потери и для культуры, и для экономики, и для политики.* Корневой, народной Беларуси это не по нутру. Но точно так же, мы уверены, она не собирается капитулировать перед сложностями создания добротного, современного в лучшем смысле этого слова суверенного государства. Она ждёт. Ждёт, пока свои политические и интеллектуальные элиты предложат ей подходящее решение. А ждать и терпеть Беларусь, как мы убедились, умеет лучше многих.

В ходе нашего исследования мы обнаружили внутри нынешнего «великого белорусского ожидания» три подхода к пониманию национального вопроса в стране Беларусь.

Первый подход наследует классическому национальному дискурсу. Согласно ему национальная идентичность – важнейшая составляющая человеческой личности. Социально одобряемое, «правильное» поведение людей – это их чёткое этническое самоопределение. Синдрому «рассеянной белорусскости» надо противостоять. Государство должно быть национальным: это форма исторической самоорганизации и исторической субъектности этнического большинства. Государство обязано поощрять национальное самосознание, национальную гордость и национальное достоинство, обязано развивать национальную культуру и национальный язык. В своих нереакционных версиях этот дискурс не требует приоритета права земли и/или права крови, лоялен к национальным меньшинствам. Хотя этническая мобилизация, как показывает неоднозначный исторический опыт, редко обходится без элементов агрессивности и ксенофобии, хотя бы и вербальных.

В соответствии с первым подходом Республика Беларусь должна форсированно достраивать каноническое национальное государство. Изменить лингвистическую политику в пользу белорусского языка. Дистанцироваться от общего имперского прошлого со всеми, с кем оно было. Энергично пестовать национальную культуру. Продвигать вовне символы национальной гордости, особенно видных представителей белорусского народа. И вообще быть решительнее в защите своих национальных интересов.

Второй подход продолжает традиции советского интернационализма. Согласно ему принадлежность к единому советскому (или постсоветскому) народу важнее национальных различий. Национальная идентификация разделяет людей, несёт больше бед, нежели радости. Чаще она деструктивна, так как порождает ксенофобию, шовинизм, нацизм, расизм, фашизм и прочие мерзости. («А мы у нас в бригаде никогда не спрашивали, кто какой национальности»)

В духе второго подхода, Беларусь – жертва распада Советского Союза, страдающая сторона. Соответственно Республика Беларусь должна быть флагманом постсоветской реинтеграции, должна работать над исправлением исторической ошибки 1991 года. И эта реинтеграция должна противостоять национальной обособленности. Национальное возрождение белорусов – дело, возможно, неплохое, но оно должно быть подчинено более великому и правому делу сохранения общности советского народа. Возможно, в новой форме «евразийской общности».

Третий подход – «жемчужный» – был замечательно сформулирован одной из наших респонденток. Прочитируем её высказывание целиком.

«Как получается жемчужина? Попадает песчинка в раковину, и моллюск – создатель этой сути, слой за слоем на нее наносит драгоценную субстанцию, и наступает момент, когда получается жемчужина, и уже никого не интересует, что шестой слой был зеленый, а восьмой был менее блестящий. С точки зрения национального содержания в Белоруссии наблюдается интересный процесс создания вот такой белорусскости. Мы готовы принять и интегрировать в свою сущность, считать своей сущностью разные национальные черты, у нас нет такого – чистоты рода, как допустим, в некоторых нациях должна быть чистота рода. Этого никогда не было, здесь жили татары, здесь жили евреи, здесь жили белорусы. Что значит белорусы? Те предки, которые говорили по-белорусски. Мы не знаем, что было там в анамнезе, мы никогда этим не интересовались, какие там слои, какие были слои и тому подобное».

Как мог бы воплотиться «жемчужный» подход в государственной политике РБ? И есть ли здесь перспектива нащупать основу для принципиально новой, современной стратегии развития белорусского общества, которая рифмовалась бы и с уникальной исторической биографией этого народа и с реалиями XXI века? Тут есть над чем думать и работать.

Разумеется, три описанных подхода не разделены китайской стеной. Более того, их соперничество за умы и сердца – к счастью, не война на уничтожение. И всё-таки, по нашим наблюдениям, именно здесь – главный нерв нынешнего белорусского самоопределения.

Еврейский вопрос. Делать обзор населения страны Беларусь и не остановиться на еврейском вопросе невозможно. Дело в том, что история еврейского присутствия на белорусских землях – самая древняя на всём постсоветском пространстве. Еврейская (иудейская) община Беларуси ведёт отсчёт с конца XIV века. И, хотя до XX века в её истории случались мрачные времена, в целом, исторический опыт длительного сожительства славянского и семитского населения в этих краях можно считать успешным и взаимопользным. Доказательством тому служит факт роста – в целом, поступательного – численности еврейского населения в стране Беларусь. Расширялся постепенно, от века к веку, и ареал их расселения.

Не случайно Беларусь вступила в XX век, имея в составе населения 14% евреев. Но спустя сто лет в XXI век она входила уже при численности еврейского населения менее одного процента. К этому привели три процесса. Один – всплеск эмиграции, связанный с Первой мировой войной. Второй, трагический – Холокост времен Второй мировой, принявший на белорусской земле особенно страшные масштабы. Третий – это эмиграция советского и постсоветского периода.

Считается, что после фактического завершения еврейского присутствия в современной Беларуси нет мест компактного проживания меньшинств. Если не считать *полешуков*. Но, собственно, почему их не надо считать? Полешуки – коренное население региона Полесье – субэтнос, генетически родственны украинцам, так и белорусам. Язык, на котором они говорят, как уверяют филологи, тоже одинаково родственен украинскому и белорусскому. Но действительно ли их не надо считать меньшинством в РБ? На этот счёт существуют разные мнения. И мы недостаточно погружены в тему, чтобы судить о том, кто тут прав, а кто нет. Тем более, один из наших респондентов назвал Полесье «мистическим» краем.

Что ж, постижение мистических объектов требует особой подготовки, несуетного настроения. Очень надеемся, что на следующем этапе погружения в «страну Беларусь» мы сможем оказать достойное внимание этому загадочному, интригующему региону.

Ключевые цитаты к разделу

«В настоящее время этничность в Беларуси практически ничего не значит, в национальном плане человек самоопределяется крайне редко: раз в 10 лет на переписи, потом, когда он ребенка родил и идет регистрировать, и когда он хочет карту поляка получить, вот и все. Тут проблема с сознательным выбором. Я до какого-то момента, может, до 12 лет тоже колебался – кто я есть: поляк или белорус? Но в какой-то момент в пользу Беларуси меня склонило то, что белорусом быть сложнее, понимаете? В том плане, что у белорусов гораздо больше проблем. Поляк – это человек, за которым стоит культура, государство, уже всё готовое. У белорусов все только начинается. Есть, с одной стороны, большие трудности в плане национального языка, культуры... работаем, пытаемся как-то возродить это все, спасти. А с другой стороны, в Беларуси много в чем ты можешь быть первым, в отличие, например, от Польши или России. И мне в какой-то момент показалось, что мой выбор белорусский в отношении Гродно тоже очень интересный, потому что белорусы всегда были очень условными, скажем так, владельцами этого города. Они жили вокруг, а здесь жили в основном евреи, и те люди, которые причисляли себя к полякам в силу католичества, то есть ментальной белорусскости тут было не так и много. Можно сказать, что белорусское национальное движение в Гродно началось в начале XX века, когда люди стали уже сознательно себя называть белорусами. Но сегодня на фоне того, когда этот исторический город – пустой, и сюда приезжают евреи – потомки, поляки, литовцы, со всего мира приезжают люди, то моя белорусская позиция очень часто оказывается самой объективной в отношении многих событий, незаангажированной. И мне это нравится, мне кажется, что белорусы, если бы они активнее брались за этот город, то у них было бы гораздо больше шансов это наследие проинтерпретировать, сделать его одновременно своим и сделать его для всех». (м., мол., наука).

«Литература XX века для белорусов была очень ценна, особенно начала века, потому что во многих фразах поэтов, ведь мы эти фразы запомнили не меньше, чем какие-то пушкинские строки, там „людьми зваться“ – это было желание белорусов. Людями зваться! До этого они непонятно кто: не то поляки, не то русские, не то литвины. Как Ататюрк „братья мои турки!“ первым произнес, и золотыми буквами это написано. Так и здесь – слово „белорус“ существовало уже в истории, но не как что-то важное. А поэты, символисты произнесли: „людьми зваться“. Или у Янки Купалы, я с детства помню, наизусть заучивали: „А кто там идет по болотам и лесам Огромной такую толпой! – Белорусы“. И художники рисовали такие холмы, там идет огромная толпа: „Кто там? Белорусы!“. Не было такого осознания, а с начала XX века – это во многом подтолкнуло. Поэтому, что они хотят? Они самого маленького хотят – людьми быть». (м., ср., образование, искусство)

«Сложно сказать про народ „белорусы“: я, например, полешук». (м., ср., искусство, медиа)

«Что касается современной белорусской нации, то я считаю, что она еще не появилась до сих пор. Я стараюсь разводить понятие нация и государство и вслед за умными людьми считаю, что нация тогда становится нацией, когда создает себя отдельно от государства, может жить отдельно от него, может быть даже немножко против. Тогда нация становится нацией, когда она становится по сути дела автономной, тогда она не зависит от государства, независимо от того, будет ли государство – не будет, будет ли оно уничтожено или попадет в какую-то катастрофу политическую, геополитическую, нация все равно выживет. Поэтому я думаю, что у белорусов в этом плане путь еще впереди и он – тяжелый, наверное, может быть, не такой

тяжелый или тяжелый в силу тех процессов, которые в мире сейчас происходят». (м., мол., наука).

«Как получается жемчужина? Попадает такая песчинка и моллюск – создатель этой сути, слой за слоем на нее наносит драгоценную субстанцию и наступает момент, когда получается жемчужина, и уже никого не интересует, что шестой слой был зеленый, а восьмой был менее блестящий. С точки зрения национального содержания, в Белоруссии наблюдается интересный процесс создания этой белорусскости. Мы готовы принять и интегрировать в свою сущность, считать своей сущностью разные национальные черты, у нас нет такого – чистоты рода, как допустим, в некоторых нациях должна быть чистота рода. Этого никогда не было, здесь жили татары, здесь жили евреи, здесь жили белорусы. Что значит белорусы? Те предки, которые говорили по-белорусски. Мы не знаем, что было там в анамнезе, мы никогда этим не интересовались, какие там слои, какие были слои и тому подобное». (ж., ср., искусство)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.